

ПРОБЛЕМЫ ЧТЕНИЯ

УДК 028.6:001.8

Столяров Ю.Н.

Дискуссия о руководстве чтением в лицах и красках

Мнение третьей стороны о позициях основных участников дискуссии по руководству чтением и целесообразности таких дискуссий вообще.

Очень занятно наблюдать за ходом дискуссии о руководстве чтением. Еще совсем недавно оно объявлялось главной функцией практической деятельности библиотек, предметом библиотекovedения. И вот началась дисгармония в стройном хоре библиотекovedов. Одни — за сохранение этого направления, хотя и в смягченной форме; другие — за его полное и позорное изгнание из библиотек. Другие —

это по сути дела один В.И. Терешин. Напишет он статью о руководстве чтением — ему возразят. Он — новую статью против возражателей. Ему снова кто-нибудь возразит. В следующей статье он и с тем не согласится. Ему — еще возражение. И он очередную возражительную статью публикует.

Самое удивительное, что библиотекари-практики при этом помалкивают. С кем они согласны — непонятно. Руководят ли чтением они сами и как — неизвестно. Интересует ли их этот вопрос — загадка. Почему так? Может быть, эта дискуссия слишком затеоретизирована? И решил я популяризовать теоретические постулаты и той, и другой стороны, несколько приземлить их. Надеюсь, что это прояснит суть столь жарких дебатов, а главное — их практическую целесообразность.

Давайте разыграем сценку¹, где всего три действующих лица: А.Н. Ванеев, В.И. Терешин и я, рядовой библиотекарь, искренне пытающийся разобраться в сути их спора о руководстве чтением и выступающий поэтому в роли читателя их мудреных трудов.

Итак, прихожу я в библиотеку, а навстречу мне — широко улыбающийся А.Н. Ванеев. После взаимных приветствий² переходим к делу.

— Зачем пожаловали?

— Да вот хочу в Вашей полемике с Терешинным разобраться. Вы не могли бы мне дать всю литературу по этому вопросу?

— Сию минуту. Видите вон ту кучу? Это все по данному вопросу. Для себя — и то меньше использовал бы, а для Вас — расстарался.

— Спасибо большое. А Ваш труд по подбору литературы для меня — что такое?

— Это и есть руководство чтением.

— А разве это не я руководил Вами, прося собрать все, что мне нужно?

— Нет, нет. Это я руководил Вашим чтением. Ведь если бы я чего-то не подобрал, то Вы этого и не прочитали бы.

¹ Примечание для искушенных читателей: чтобы не упрекнули меня в чересчур опрошенной терминологии, слова "разыграем сценку" прошу читать но-научному: "произведем мысленный эксперимент". В дальнейшем мои непонятные слова переводите, пожалуйста, на научный язык сами — на то вы и ученые.

² Примечание для неискушенных читателей: я сознательно не уточняю, встает ли Ванеев при моем появлении, идет ли мне навстречу, жмет ли руку. Должен ли он это делать, я не знаю. Теория руководства чтением об этом умалчивает. Кто из нас должен первым приветствовать другого и в каких выражениях — тоже не знаю.

— Прошу прощения, Анатолий Николаевич, я же просил собрать все...

— Видите ли, вообще все собрать нельзя. Да и не обязан библиотечкарь за читателя все собирать — читатель сам должен быть библиографически грамотным. Выполнить заказ — другое дело.

— Иными словами, чисто техническая работа — это и есть руководство чтением?

— Ну, не совсем так... (А как, Ванеев и сам не знает, не конкретизировал он свои теоретические постулаты. Но растерянности, конечно, не показывает.)

— А куча-то велика, не рассчитал я своих сил. Может, Вы мне порекомендуете что-нибудь самое дельное?

— О, с огромным удовольствием. Почтайте мою статью "К дискуссии о руководстве чтением" в сборнике "Научные и технические библиотеки" (1992, № 6) и больше ничего читать не надо — у меня обо всем сказано лучше всех.

— Как не надо? Но ведь Тершин с Вами, да и с другими не согласен.

— Мало ли что не согласен. Тершин — великий путаник. Он не только нас, но и самого себя отрицает³. Противоречит сам себе на каждом шагу, а к истине все равно не приближается. Не читайте его, а то совсем запутаетесь.

— Вот теперь я вижу, что Вы действительно пытаетесь руководить моим чтением. Но если я поступлю наперекор Вашим советам, то порущу все Ваше руководство?

— Нет,нисколько. Хотите читать — читайте, не хотите — не надо. Все равно это будет мое руководство Вашим чтением.

— Вот как? Вы уж извините, дорогой Анатолий Николаевич, но то, о чем Вы говорите, Н.К. Крупская называла бибчванством. Она предостерегала библиотечкарей, чтобы они не думали, будто стоят на несколько голов выше читателя⁴.

После беседы с А.Н. Ванеевым я обратился к В.И. Тершину:

³ Например, в последней статье "Руководство чтением? Нет, библиотечная педагогика сотрудничества" (Науч. и техн. б-ки, 1993, № 7) В.И. Тершин отказался от своего термина "библиотечная педагогика" в пользу более громоздкого "библиотечная педагогика сотрудничества". Зачем это сделано, понять нельзя, так как два года назад в статье "Ответ оппоненту" (там же, 1991, № 10) он четко высказал свое мнение: "... я вел речь о библиотечной педагогике, педагогике сотрудничества по своей сути, основанной на равноправном сотрудничестве библиотечкарей и читателей".

⁴ Крупская Н.К. О библиотечном деле: Сб. тр. Т. 5. — М.: Книга, 1986. — С. 13.

— Владимир Иванович, Вы не согласитесь поруководить моим чтением по одному сложному вопросу?

— Никогда в жизни! Долой руководство чтением! Руководство — это насилие!

— Тогда я попрошу оказать мне небольшую услугу...

— Никаких услуг! Я Вам не слуга!

— Успокойтесь, Христа ради! Я совсем не в том смысле. Весь мировой маркетинг во все века на двух китах держится: на понятиях товара и услуги. Я в этом смысле услугу имею в виду.

— Отменить маркетинг!

— Ну ладно, это уже другая тема. До свидания и извините за беспокойство.

— Э, нет, постойте! Я готов с Вами сотрудничать.

— Ах, увольте, я не достоин такой чести. Вы маститый профессор, а я всего лишь среднестатистический библиотекарь и ничем не смогу быть Вам полезен.

— А Ваше мнение мне и не нужно. Меня ни доктор Вансеев, ни профессор Черняк не переспорили и никто не переубедит. А вот Вас я в свою веру обращаю. Хоть один сторонник у меня будет.

— И это будет называться "сотрудничество"?

— Ну да. Правда красивое слово? И в духе времени, и звучит научно.

— А я не хочу сотрудничать. Я самообразовываться пришел.

— О, это другое дело! Еще Н.А. Рубакин создавал свой труд "Среди книг" не для руководства чтением, а для самообразования читателей и для комплектования фонда с ориентацией на самообразование. Вот и я список литературы по интересующему Вас вопросу подготовил, даже и скомплектовал всю подборку. Читайте на доброе здоровье.

— Но этот список не рекомендательный?

— Нет, нет, ни в коем случае. Если бы он был рекомендательный, Вы были бы вынуждены читать только то, что предложил Вам я. Конечно, если Вы согласны, чтобы Вас таким вот образом обирали, я в свою очередь согласен считать этот список рекомендательным.

— Но Вы как раз и предлагаете читать из Вашей подборки. Вы, оказывается, составляли список со злым умыслом, обобрать меня задумали?

— Да нет же, как Вы не поймете. Я его считаю пособием по самообразованию, а не рекомендательным. Значит, и обирать Вас не

собираюсь, понятно? Забудьте Вы эти проклятые слова тоталитарной эпохи "рекомендация", "руководство".

— Да, да, я помню, что руководство — это насилие. Вы даже на толковый словарь ссылаетесь: руководить значит направлять чью-нибудь деятельность, управлять. А Вы не разрешите взглянуть, как растолковывается слово "управление" в том же словаре?

— Ни в коем случае!

— Почему? Я хочу убедиться, что управление, по определению, непременно включает в себя принуждение. Увижу это — и я навеки у Ваших ног!

— Ни-ни. Слово "управление" поясняется, в свою очередь, через слово "руководство", а о принуждении там вообще ничего нет.

— Вот те раз! Почему так и как же быть?

— Потому что в задачу толковых словарей не входит давать научные дефиниции...

— Но тогда зачем же Вы на него ссылаетесь в научных целях?

— ... А о принуждении как атрибуте управления я как раз собираюсь статью в научный сборник по менеджменту написать.

— Но зачем же непременно принуждать подчиненного выполнять свои обязанности? Обычно он исполняет их без всякого принуждения либо переходит на другую работу. В крайнем случае его наказывают — и только. Может, говоря о принуждении, Вы имели в виду наказание?

— Вот-вот, видите — наказание! А читателя наказывать нельзя, ведь он — сотрудник!

— Но ведь слово "сотрудник" взято как раз из управленческого лексикона, а следовательно, к сотруднику применимы все понятия теории руководства и теории управления. Что же нам теперь: позволять читателям безнаказанно портить книги, не возвращать их и т. д.?

— Да при чем тут порча книг, мы же о чтении речь ведем.

— Но за чтение никогда никому в голову не приходило наказывать читателей! Только благодарности и всяческие поощрения. В чем, по-Вашему, реально проявляется принуждение?

— В требовании "читай только это".

— А если читатель не хочет, как его принудить?

— Выгнать вон!

— Но изгнание — это не принуждение, а наказание. Он и уйдет непринужденно, так и не подчинившись воле библиотекаря. И у библиотекарей никогда, ни при каком режиме не было рычагов

принуждения, потому что чтение — дело добровольное. Ведь слово "рекомендация" по самому своему смыслу предполагает добровольность следования ей, возможность альтернативы, степеней свободы.

— Это только видимость, уловка административно-командной системы. На самом деле никакой рекомендательности не было, а был жесткий прессинг.

— Но теперь-то можно вернуть этому слову его исконный смысл?

— Нет. Есть гораздо лучшие слова — "библиотечная педагогика сотрудничества". Она открывает полную свободу каждому читателю читать все, что он пожелает, без какого-либо давления на него, без всякого руководства, без рекомендаций и т. п. Пусть сам во всем разбирается.

— Об этом еще Рубакин говорил, верно? Но Вы-то согласились мне помочь, не бросили одного на волю волн.

— Вы правы, тут я, пожалуй, пошел против своего же принципа. Впрочем, нет: между нами сотрудничество, а Рубакин о сотрудничестве ничего не писал.

— Зачем же тогда привлекать его авторитет? Вы утверждаете еще, будто Рубакин стоял на позициях руководства чтением в процессе использования фонда. Как это увязывается с его же и Вашим тезисом о невмешательстве библиотекаря в чтение?

— Уморили Вы меня своими вопросами. Еще есть?

— Есть, конечно, и немало. Хотя бы такой. Представьте, нанимаю я такси. Шофер едет, едет, а потом и говорит: "А вот где свернуть в Ваш переулок, я не знаю". До этой минуты мы сидели молча, а тут я начинаю им руководить: "Сверните направо. Теперь — прямо. Теперь — налево" и т. д. Момент руководства тут есть, а насилия — никакого.

— Стоп! Я понял Вашу аналогию: водитель — это читатель, пассажир — библиотекарь. Или наоборот, неважно. Но Вы все равно неправы: руководства и в этом случае нет, а есть сотрудничество. Вы обогатили шофера новой информацией, она ему может пригодиться в будущем.

— А если бы он сам знал дорогу?

— Тогда это все равно было бы сотрудничество. Только молчаливое.

— ?.. На уровне телепатии? Ладно. Еще одна аналогия. Я заболел, пришел к врачу: "Доктор, что-то я себя плохо чувствую, пропишите мне лекарство". "Какое?" — "Аспирин или, может быть, анальгин." "Так аспирин или анальгин?" — "Пожалуй, пачку мышьяку". —

"Получите рецепт и — до свидания". То-то легко было бы учиться на медицинских факультетах, Вам не кажется? Эта аналогия имеет право на существование. Знаменитый швейцарец Г. Гессе в "Этюдах о чтении" осуждал тех читателей, которые "поступают подобно неумным больным, которые, зная, что в аптеке много хороших лекарств, стремятся использовать в ней все средства, перебирая ящик за ящиком и склянку за склянкой. А надо бы, как в настоящей аптеке, найти в книжной лавке и в библиотеке каждому свое средство, чтобы каждый, не травясь и не пичкая себя сверх меры, мог черпать в нем силы и свежесть"⁵. Должен сказать, Владимир Иванович, что суть Вашей концепции антируководства чтением мне не очень понятна. По крайней мере скажите: имею я право оставаться на собственной точке зрения и вести себя по отношению к читателям так, как лично я считаю нужным?

— Если по моей теории, то — бесспорно. А если по правде — нет, конечно, а то такой разнобой в работе начнется... Вы должны разделять мою позицию как единственно правильную. Ну что Вам стоит согласиться со мной?

— Эх, Владимир Иванович, да кому нужно наше с Вами согласие? По-моему, Вам сам процесс дискуссии важен, а не его результат.

А теперь, дорогой читатель, приношу искренние извинения, что утомил тебя столь длинными диалогами. Но как еще доказать, что все эти дискуссии столь же выпренни, сколь и бесплодны. Одни (А.Н. Ванеев и др.) видят руководство там, где его нет и быть не может, другие (В.И. Терешин) отрицают его там, где без него нельзя и где оно присутствует, хотим мы этого или нет.

Ну не просит тебя читатель о помощи — не навязывайся, а если попросит — не отказывай. Со всем уважением к нему и достоинством к себе излагай и отстаивай свою точку зрения. Не знаешь — так и скажи. Твое дело — не душеспасительные беседы вести, а требуемые книжки выдавать. По возможности вовремя и сполна приобрести нужные, скоренько их обработать и поставить на место, известить читателя, а там уже его дело — брать ли, читать ли, соглашаться ли. Библиотекарь, по системному подходу, — выразитель интересов всего контингента читателей, этакий обобщенный их представитель во внешней среде — в книжном магазине, коллекторе и т. п. Отбирая

⁵ Гессе Г. Магия книги: Сб. эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле. — М.: Книга, 1990. — С. 41.

книгу, он думает, есть ли в ней ценные для читателей идеи, несет ли она новую для них информацию (притом — для научно-технических, общественно-политических и т. п. книг — достоверную), соблюдены ли в художественном произведении требования высокого вкуса, дойдет ли она до души и сердца читателей? Если библиотекарь решит этот вопрос положительно, дальше пусть сами читатели для себя решают, хорошая это книга или плохая. Они подходят к этому вопросу с одних позиций, библиотекарь — с других, профессиональных. При этом последний перепроверяет себя, обращаясь к совету по комплектованию, включающему представителей читательского актива. Где же тут принуждение, давление и прочие страсти?

Каждая сторона прибегает к Рубакину как высшему арбитру. А Рубакин — эклектик, у него можно найти и подтверждение чему угодно, и опровержение чего угодно. Но есть у него и объективно ценные мысли. Если что у него и брать, так соображения об обязанности библиотекаря обеспечивать соответствие между читателем и книгой, особенно обстоятельно изложенное в учении о библиопсихологии. Задача библиотекаря, по Рубакину, состоит далеко не только в механическом удовлетворении запросов, но прежде всего в том, чтобы искать в каждом читателе те "струнки души", которые могли бы зажечь или раздуть в нем "огонек искания", причем эта деятельность должна быть направлена к достижению неких духовных, научных, культурных, социальных идеалов. Первое, что нужно библиотекарю — четкое представление об этих идеалах. Обеспечение такого соответствия равно важно как для научной, так и для массовой библиотеки, на его достижение работают все функциональные подразделения библиотеки, только формы и методы в каждом случае должны быть свои.

Библиотекарь обязан тактично предложить каждому свою помощь (в пределах своей профессиональной квалификации, а не по существу интересующего читателя вопроса), а читатель вправе такую помощь принять или отвергнуть.

Таким образом, надо не о словах спорить, а разрабатывать, как минимум:

- 1) основные принципы библиотечной деятельности;
- 2) детальную технологию и, возможно, технику (инструментарий, приборы, аппараты) диагностики информационных потребностей;
- 3) методики удовлетворения и развития информационных потребностей всеми без исключения службами всех без исключения типов и видов библиотек.

Самоустранение библиотекаря от решения подобных вопросов есть не что иное как его расписка в своем полном непрофессионализме.

Все эти вопросы чрезвычайно трудны — не менее, если не более, чем вопросы исцеления больных врачом, ведь библиотекарь имеет дело с неосязаемыми вещами — духовными потребностями, художественным вкусом и т. д. Но надо не уходить от них, а изучать — профессионально и досконально.